

Квадратное время

Автор:

Павел Дмитриев

Квадратное время

Павел Владимирович Дмитриев

Квадратное время #1

Обычный студент, наш современник, в 1926 году. На его пути будет все: тяжелейшие испытания, схватки и погони, встречи с великими людьми, любовь и деньги. Он побывает в Ленинграде, в Хельсинки, в Берлине, в Мюнхене, в Стамбуле, в Одессе и, конечно, в Москве. Он сумеет изменить историю России и мира. И сделает это с предельной, по-настоящему исторической достоверностью.

Павел Дмитриев

Квадратное время

– Пройдите по этому коридору, – сказал чиновник бесцветным голосом. – Розги – направо, ботинок – налево. Следующий...

Братья Стругацкие. Трудно быть богом

Глава 1

Комфортный старт

Одесса, апрель 1930 года (3 месяца до рождения нового мира)

Если кто-нибудь попросит меня назвать главный символ интербеллума[1 - Интербеллум (Interbellum) – термин, используемый в мировой историографии для обозначения временного промежутка между Первой и Второй мировыми войнами (1918–1939 гг.)], то я без колебаний отвечу: «Это вокзал!» В нем начинается и заканчивается любое, даже самое короткое путешествие.

За два прошлых года я успел исколесить всю Европу, но оказалось, что завершить мою миссию возможно только в СССР.

Поэтому – снова перрон, снова бьют в уши заполошные крики продавцов всякой снеди и разноголосые переливчатые локомотивные гудки. Зычно клацают буфера, упруго подрагивает под ногами асфальт. Отличие от Франкфурта или Стамбула по большому счету ровно одно: вместо веселого и бессмысленного Малека Вебера из репродуктора доносится немилосердно шипящая, однако вполне узнаваемая мелодия «Я милого узнаю по походке», с первых звуков которой невольно вспоминается надрывно рвущий гармонь Гарик Сукачев.

Впереди носильщик – здоровенный детина в нелепой форменной фуражке и сером засаленном фартуке поверх старой солдатской шинели. Не просто так – он тащит за спиной на подставке-сиделке наш багаж.

Странный атавизм: везде в Европе для этого используют специальные, похожие на двухколесную тачку тележки, однако «жемчужину у моря» научно-технический прогресс упорно обходит стороной. Хотя, возможно, просто нет надобности – не часто у советских пассажиров встречаются пудовые сундуки или необъятные кучи коробок-картонок.

Даже наши далеко не самые огромные в мире чемоданы явно смущают окружающих новизной и мягким блеском импортной кожи. Что отнюдь не мелочь, а реальный символ статуса, который легко удерживает на расстоянии докучливых газетчиков, лоточников Главдорбуфета[1 - См. Глоссарий в конце текста.], кроме того, заставляет мелкотравчатых служителей железнодорожных

законов брать под козырек вместо очередной проверки документов.

И последнее, но не менее важное: чемоданы как магниты притягивают взгляды хорошеньких девушек! Последнее скорее обидно, чем приятно. Надеюсь, местным барышням и без багажа есть на что посмотреть: мой рост под метр девяносто; не страшные – как я в глубине души надеюсь – черты лица. А если не нравится лицо – пусть оценят темно-серый, в крупную синюю клетку костюм, к которому прилагается белоснежная рубашка с закругленными по последнему слову моды уголками воротника. В остальных деталях одежды тоже порядок: небрежно повязанный галстук, весь в черно-золотых узорах, да новенькие броги, чуть поскрипывающие при каждом шаге. Как вишенка на торте – абсолютно бессмысленная, но от этого не менее обязательная кепка.

Дорого, броско, но ведь не станешь же каждому встречному-поперечному объяснять, что чуть более года назад я и сам таскал мешки в порту – как обычный грузчик. А все внешние признаки моего достатка и успеха – лишь антураж авантюрного спектакля, который пытается разыграть на просторах молодой Советской республики Яков, мой старший аж тридцатилетний партнер и идейный вдохновитель. Заодно – тщеславный наглец в своей нелегкой «работе» и кичливый фронт. Даже сейчас вместо добротной, но вполне тривиальной классики к серым бриджам он натянул вызывающие гольфы до колена в мелкий черно-белый ромбик, массивные черно-белые же штиблеты, а пиджаку предпочел шерстяной джемпер, разумеется, одной расцветки с гольфами. Хорошо хоть кепка обычная, серая, иначе впору выходить не на перрон одесского вокзала, а напрямик на арену цирка, клоуном.

Понять Якова несложно – вся его жизнь, в сущности, затянувшаяся театральная премьера. Более того, за несколько месяцев совместного путешествия я успел оценить и отчасти полюбить милую привычку моего спутника жить каждый день как последний, чего бы это ни стоило. Поэтому ничуть не расстроился, когда для покупки билетов в родном городе он обратился в отдельное окно кассы, приметное кроме скромной таблички «Управление спальных вагонов прямого сообщения» совершенно невероятным для данного места и времени отсутствием очереди.

Приятная и безукоризненно вежливая девушка небрежно глянула на наши справки-разрешения с места работы и, почеркав неразборчивые цифры на бумажках под копирку химическим карандашом, выдала ярко-красные типографские квитанции-плацкарты[2 - Плацкарта – нумерованное место в

вагоне. В обычных поездах того времени нумерации мест не существовало, они появились только в середине 30-х гг., с массовым появлением «егоровских» вагонов (более-менее похожих на современные четырехосные Ленинградского завода имени И. Е. Егорова).]. На каждой красовалась изрядно подзабытая мной аббревиатура наркомата путей сообщения с пиратским гербом – перекрещенным с якорем абордажным топором. Калькуляция стоимости служила основанием для взыскания целых сорока трех рублей – за мягкость, место и белье.

Оплатой этой суммы дело не ограничилось. Уже в обычной кассе Яков, ткнув пальцем в плакатик «По плацкарте НКПС билеты приобретаются вне очереди», уверенно оттер от окошка всех желающих и взял два билета в «мягкий», по восемьдесят четыре рубля за каждый. По здешним меркам – двухмесячный средний заработок рабочего – безумные деньги за чуть более чем двухдневный вояж до Москвы.

И вот теперь, уже на перроне, результат стараний по повышению комфорта воплотился во вполне материальный объект. Последним в составе – и, соответственно, первым со стороны вокзала – нас ждал более чем примечательный вагон. Не знакомый мне по вояжу из Берлина в Ленинград первоклассный синий, не желтый второго класса и, конечно, не обычный зеленый, как здесь принято говорить – «жесткий». Его обшитый дорогим деревом корпус светился благородной фактурой[3 - Наружная отделка вагонов СВПС (бывших международных дальнего следования) выполнялась тиковым деревом, с покрытием лаком в восемь слоев с промежуточной обработкой. Крыши крыли красной медью.] как будто сам по себе. Потемневший от времени, местами облупившийся лак ни капли не мешал, наоборот, он придавал вагону сходство с океанской яхтой, получившей свое и от седых пенных гребней штормов, и от обжигающего солнца тропических штилей. Начищенные бронзовые поручни и оконные наугольники еще более усиливали впечатление: в подобранном сочетании они как-то по-особому блестели на солнце.

«Так вот ты какой, международный спальный!» – ударила короткой искрой догадка.

Перед глазами встала бесконечно далекая, но все еще памятная спокойным уютом комнатка в Хельсинки, неяркая лампа под зеленым абажуром, и под ней – перечерканный тут и там карандашом томик «Трех столиц» Василия Шульгина, в котором, собственно, я впервые наткнулся на воспоминания о подобном слипингкаре[4 - Термин, очевидно, происходит от английского sleeping car

(спальный вагон).].

Как давно и как недавно это было!

Но предаваться воспоминаниям некогда. Пожилой усатый мужчина в новехоньком синем френче встречал нас у запахнутых дверей вагона. Приколотая к груди золотая номерная бляха «проводник-истопник» и роскошная черная фуражка с синим кантом придавали ему вид настоящего командира. Однако рассмотрев красные плацкарты в наших руках, кондуктор незамедлительно переломился в пояснице. Начищенная до блеска пиратская эмблема ярко сверкнула под лучами клонящегося на закат солнца.

– Сделайте-с одолжение, господа-с, проследуйте в шестое купе, рассаживайтесь со всяческим удобством-с...

Роскошь внутреннего убранства сразила меня наповал. Стены коридора радовали уставший от буржуазного рационализма взгляд панелями благородного красного дерева и вставками из тисненого плюша. Окна прятались под собранными в затейливые рюши порттьерами, настоящими, совсем как в приличном доме или дорогом отеле. Тусклой бронзой светилась массивная инкрустация молочных плафонов. Ручки дверей удивляли банковской точностью и надежностью. Туфли тонули в начавшей облезать, но все еще очень годной ковровой дорожке.

Как будто вернулись довоенные имперские времена: за окнами счастливый четырнадцатый, а не суетливая, пошлая – да еще поиздержавшаяся до последнего предела – весна тридцатого года.

– Куда класть прикажете? – Носильщик за спиной бухнул сапогами, разом стирая наваждение.

– Тебе лучше знать, братец, – со смешком выдал указания Яков, уступая место в узком проходе. – Да смотри поаккуратнее там! Кожу не поцарапай!

– Наверняка ведь вагон в Германии делали? – не смог я удержать давно вертящийся на языке вопрос. – Ей-ей, не под силу царской промышленности

такие чудеса сотворить, да еще в количествах, чтоб до сих пор хватало в Одессу гонять!

Вместо ответа Яков указал рукой на закрепленную над дверями табличку – «Верхне-Волжскій заводъ, городъ Тверь. 1904 годъ. Купе № 6».

Между тем носильщик закончил упихивание наших чемоданов и узлов, получил долгожданную полтину серебром и вместе с густым ароматом дегтя утопал к выходу.

Можно осмотреться...

Прямо напротив, на уровне глаз, вдоль стены вагона раскинулась верхняя полка – мягкий матрас в массивной деревянной раме. Сразу под ним – широченное, аж трехрамное окно. Справа – диван с прихотливо изогнутыми ореховыми подлокотниками и высокой «тронной» спинкой. Очень удобно, ничто не мешает плюхнуться с размаху на мягкие пружины поближе к столику.

Но откуда вторая полка в двухместном купе?!

Резко перевожу взгляд: дивана напротив нет и в помине, вместо него всего лишь широкое кресло, а у входа перегородка выступает внутрь купе, и – черт возьми! – там еще одна дверь, мимо которой я умудрился впопыхах проскочить.

Неужели...

Точно, уборная! Хотя нет, только раковина умывальника, да вдобавок – судя по виднеющейся в глубине второй двери – одна на пару купе.

Все равно здорово!

Я с удовольствием повернул массивные бронзовые краны, сполоснул руки под струей воды, вытер висящим на вешалке полотенцем.

А жизнь-то налаживается!

Слабо шевельнулся червячок сомнения: не перебарщивает ли Яков? Могут ли будущие студенты, которыми мы выступаем согласно легенде, путешествовать с таким немислимым комфортом?

А почему нет?

Формально НЭП не свернут, богатство, частная торговля и производство все еще как бы разрешены. Пусть советский золотой червонец в мире с тысяча девятьсот двадцать седьмого года идет по цене макулатуры[5 - К 1925 г. советские червонцы котировались на валютных биржах Вены, Рима, Константинополя, Тегерана, Шанхая и других городов. Например, в 1924 г. один червонец меняли на 21 немецкую марку, в 1926 г. – лишь на 7–8 марок, в 1927 г. обмен был прекращен полностью.]. Пусть налоги проклятым эксплуататорам вкручены выше небес. Пусть оптовые и товарные биржи закрыты, коммерческий кредит запрещен. Все равно граждане республики не успели отвыкнуть от многовековой привычки к открытому богатству. Так что кроме солидных, отягощенных животами и портфелями совбуров[6 - Совбур – сокращение от «советский буржуй».] к нашему вагону живо тянутся купцы-кооператоры, они же – жулики-коммерсанты. На первый взгляд – непримиримые классовые враги, однако при них подозрительно одинаковые барышни, вполне сносно одетые даже по меркам старушки-Европы.

Никому на окраине триэсэрии нет дела до великовозрастных отпрысков недобитых нэпачей. Вернее сказать, не умеющих видеть дальше своего носа идиотов, по капризу стукачей и недоработке чекистов сохранивших на черный день в достатке «червяков», «сеятелей» и «николашек», но при этом мечтающих отправить своих сыновей, любимых племянников или младших братиков «в люди» по высшему разряду. Вместо того чтобы вывести их тропами приднестровских контрабандистов подальше от социалистического рая. Пока не поздно.

Прав мой куда более опытный спутник, когда говорит: «И ладно, пускай все вокруг запомнят разодетых гуляк, пуще того, в деталях рассмотрят ботинки и чемоданы – для Москвы у нас есть другие вещи. Много хуже, если кому-то достанет мозгов обратить внимание на лица!»

С последним трудно не согласиться по очевидной причине. Внутренних «пачпортов» в Советской республике нет вообще – абсолютно и совершенно. Не успели их ввести большевики. Так что в качестве уникального удостоверения

личности обычно выступают кучка мятых бумажек с мало читаемыми оттисками печатей да протертая на сгибах простыня свидетельства о рождении, начинающаяся с незатейливой фразы типа «По указу Его Императорского Величества Одесская духовная консисторія свид?тельствуеть...». Сложно сказать, сохранились ли соответствующие записи в огне Гражданской войны и сколько месяцев – или лет! – может занимать их реальная проверка.

Следствие бардака – неограниченный простор для использования чужой личности, а то и кустарной подчистки-подделки. Уровень детского сада для Якова, коренного одессита и редкого прохиндея, успевшего поучаствовать в фабрикации подложных документов для откоса от армии еще подростком в далеком пятнадцатом году. За актуальные в данный момент бумаги он отдал хорошим людям жалкий пяток червонцев. Хотя надо отметить, настолько дешево идут только контрики, попы, торгаши и прочие интеллигенты – свидетельство о рождении с правильным рабоче-крестьянским происхождением обойдется чуть не в десять раз дороже. Спрос заметно превышает предложение. Но нам наплевать, реально поступать в университет мы не собираемся, зато налицо значительная экономия. Вдобавок по дороге деньги можно тратить, не отходя от образа.

С другой стороны – шиковать без меры в республике Советов все же опасно, поэтому Яков подстраховался трудовыми победами. У нас в полном порядке книжечки «трудовых списков» с перечнем вполне пролетарских должностей.

Моя, на всякий случай, близка к реальной специальности: электрик-настройщик волочильного цеха одесского государственного жестяно-баночного завода, некогда носившего имя «Братья Авич и Израильсон», ныне же – «имени М. И. Калинина». Фамилия советского вождя, верно от особого уважения, вписана клерком в бумагу большими печатными буквами.

На самый крайний случай у Якова в запасе имеется совершенно убойный документ: комсомольский билет. На картонном чуде природы с портретом Ленина на обложке – вполне надежном и действующем – нет не только фотографии владельца, но и печати. Воистину, страна непуганых идиотов. Заверить столь важную бумагу способна простая подпись безвестного секретаря губкома!

Вдали прозвучала резкая трель свистка кондуктора, за ней – сочный, на три тона ниже гудок паровоза, звонкая волна перестука буферов обозначила старт

состава...

Первый час, как принято, прошел за взятой в дорогу снедью. Воспетая в романах и стихах жареная курица прекрасно сочеталась по дизайну с толстодонными, снабженными царским гербом и аббревиатурой МПС подстаканниками. Вкус же традиционного железнодорожного чая явно недотягивал до заданного антуражем уровня. Или, что куда более вероятно, нам с Яковом так казалось после турецкого изобилия.

Скоро живописная разруха окраин Одессы осталась позади, потянулись бесконечные, подернутые свежей зеленью поля, небольшие деревеньки, кривые заборы и прочие невнятные сараи. Однообразное скольжение пейзажей навевало скуку – паровоз тащил состав неспешно, километров тридцать – сорок в час, но как-то удивительно ровно, не разгоняясь и не притормаживая.

Под тихий, чуть слышный перестук колес Яков расстелил постель и прилег подремать.

Я попытался последовать его примеру, но, увы, безуспешно. Снова, наверное в тысячный раз, вспомнилась история, благодаря которой меня и занесло на эти без малейшего преувеличения смертельные галеры.

Глава 2

Встречают по одежке

Ленинград, декабрь 2014/1926 – январь 1928 года

(43 месяца до рождения нового мира)

Произошел перевернувший мою жизнь случай весьма далеко от Одессы и СССР. А именно: в длинные рождественские каникулы две тысячи четырнадцатого года я – Алексей Коршунов, студент четвертого курса электротехнического факультета УрФУ, здоров, не женат, без вредных привычек и прочая, прочая, –

решил приобщиться к великой русской культуре, в смысле – посетить исторические достопримечательности Петербурга. А заодно принять участие в парочке Ingress-ивентов[7 - Ingress – многопользовательская онлайн-игра в стиле «наложенной реальности», созданная Niantic Labs в Google для Android- и iOS-устройств.], попутно встретиться в реале со старыми друзьями по игре.

Перелет Кольцово – Пулково прошел без задержек и оставил достаточно сил.

Поэтому после заселения в отель, чтобы не скучать, я отправился на улицу – хакнуть десяток-другой Ingress-порталов в центре Северной столицы.

Со стороны, должно быть, забавное зрелище: здоровенный парень с рюкзаком за спиной идет, уставившись в «лопату» LG G3, по тротуарам, переходам и площадям вне потока и ритма праздничной толпы, сообразуясь только с собственными целями. Иногда суетливо мечется туда-сюда – в попытках «дотянуться» до неудачно расположенного узла или ключа на виртуальной, но при этом привязанной к реальным GPS-координатам карте. Или же, наоборот, замирает в одной точке на несколько минут, быстро манипулируя пальцами по экрану. Последнее означает попадание на «свой» портал, который можно усилить, зарядить или «залинковать» с соседними, или же на слабый «чужой» – его желательно разгромить и, разумеется, немедленно перекрасить в «свой» цвет.

Короткими перебежками, от портала к portalу, я мотался до позднего вечера – заветный Level 13 маячил совсем близко. Наконец остался лишь один хак уника – последнего из двух тысяч, нужных до золотой медальки. Причем далеко идти не надо – вот он, почти передо мной, осталось зацепить хитро расположенный синий разлапистый «костер» на виртуальной карте, для чего сдвинуться метров на десять внутрь квартала в реальном пространстве. Да вот беда – прохода во двор нет, не иначе кто-то из местных жильцов постарался устроить закрытую локацию.

Однако сдаваться рано. Я толкнул попавшуюся рядом дверь парадного. Удача – кодовый замок есть, но не заперт.

Аккуратно прошел мимо лестницы на другую сторону дома, в закуток перед дверями черного хода...

Есть контакт!

Палец опустился на активизировавшуюся кнопку, экран залила долгожданная заставка-поздравление. В этот же момент появилось какое-то странное чувство, как будто я разделился на уйму копий самого себя, буквально в одном и том же месте нас стало как минимум сотня, а может – и тысяча. Полностью постичь всю глубину процесса я не сумел и, судя по всему, вырубился на несколько мгновений. Упасть, впрочем, не успел.

Потряхивая головой от удивления – никогда ранее нервы не пытались сыграть подобную мерзкую шутку, – поплелся обратно, попутно оценивая количество плюшек, свалившихся на меня с новым уровнем. Неудачно – окно интерфейса подернулось рябью помех в стиле старого телевизора, показывая тем самым потерю сигнала спутниковой навигации.

– Странно, но не удивительно, – пробормотал я вслух. – Тут стены по метру, не иначе.

Увы, на улице ситуация не выправилась. Хуже того, я обнаружил, что отсутствует не только навигация – связи не оказалось вообще. Перезагрузка мобилы не помогла, как и замена батарейки с передергиванием сим-карты.

– Сломался, собака, – зло выругался я в пространство.

Ни карты, чтобы добраться до гостиницы, ни «Юбера» для вызова такси...
Друзьям и тем не позвонить...

Я обвел взглядом улицу и...

И чуть не сел в сугроб!

Что за фигня!!! Что происходит?!

Где тут скрытая камера?!

Кто выключил уличное освещение?

Зачем навалили на тротуар свежие сугробы?

Почему нет машин? Совсем, ни одной!

Спросить бы у кого-нибудь... Так и прохожих негусто. Только парочка крайне подозрительных оборванцев на противоположном тротуаре. Пусть они в полтора раза мельче меня – конфликт со шпаной выйдет себе дороже. Тут не думать надо, а поскорее убираться поближе к сияющим огнями рекламы проспектам.

Сунув многострадальный смартфон в карман, я быстрым и уверенным шагом направился в сторону гипотетического центра.

Интуиция не обманула: отмахав несколько кварталов, я очутился в заметно более оживленном месте.

По густо заваленным конским навозом улицам то и дело проезжали повозки на конной тяге и автомобили антикварного вида. Пешеходов стало побольше, да только что у них спрашивать?

Для сна или галлюцинации слишком достоверно. Съемочный павильон настолько большим быть не может. Остается принять за основную гипотезу немислимое: вокруг меня либо – прошлое, либо – иной мир.

К моей удаче, на углу примостилась явно неуместная в век сотовой связи труба газетной тумбы. На главной, самой удобной для чтения позиции – как можно ожидать другого?! – «Правда» от двадцать пятого декабря тысяча девятьсот двадцать шестого года.

Под колеблющимся зеленоватым светом уличных фонарей я разглядел на первой странице заголовок: «Реакционные законопроекты английского правительства», над ним – убогую карикатуру, на которой несколько гипертрофированных буржуев протягивали непонятную бумагу с печатями истощенному мужчине, наверное рабочему.

– Хорошо хоть не к мамонтам! – констатировал я, с трудом сдерживая дрожь. – И не в зиму сорок первого!

Толком не поймешь: морозно тут на самом деле – да так, что не помогает благоразумно поддетый перед прогулкой фирменный комплект термобелья, – или до позвоночника добрались холодные щупальца ужаса?

В полной прострации я добрался до того самого дома, что сыграл роль машины времени, где узнал точный адрес: проспект Маклина, двадцать. Пропахал путь от парадного до черного хода раз сто пятьдесят, включая и выключая Ingress во всех возможных и невозможных местах и комбинациях.

Ни малейшего успеха...

Признать перенос сознания и тела в прошлое процессом необратимым и анизотропным?

Нет, нет и еще раз нет!

Не зря же в тот злосчастный момент я чувствовал, что разделяюсь на множество копий.

Можно ли подыскать объяснение получше?

Да легко!

Пакет данных – только он может пронизать темпоральный континуум. И напротив: сама идея передачи материального объекта в параллельное измерение или время противоречит здравому смыслу.

– Значит, не перенос, а копирование, – пробормотал я, стараясь звуками собственного голоса разогнать страх. – Что это мне дает?

Не так уж и мало – главное, нет никакого смысла уничтожать оригинал!

Наоборот, есть вероятность, что Алексеев Коршуновых во Вселенной стало не двое, а несколько десятков, сотен или тысяч. То есть в далеком будущем мой двойник сидит в теплом и уютном ресторанчике, хвастается перед новыми-старыми друзьями очередным уровнем игры да медальками виртуальных достижений.

И если мне хоть чуть-чуть дорог мой разум – следует думать только так, и никак иначе. Потому что под таким углом зрения ситуация выглядит очень даже симпатично...

Оставшийся в две тысячи четырнадцатом году оригинал – или дубль, разницы нет! – потянет на себе весь ворох обязательств перед родителями и родственниками. На радость матери исполнит роль в размноже... продолжении рода. Окончит институт и поступит в аспирантуру. На зависть друзьям семьи станет крупным ученым, то есть оправдает надежды отца. И лет эдак через сто, окруженный многочисленными внуками и правнуками, почиет в бозе под плач молодой жены и молчаливое раскаяние любовниц.

Но мне-то повезло куда больше!

Настоящее, взрослое, авантюрное приключение!

Возможность своими руками создать новый мир. Перекроить историю, разогнуть перегибы, победить в войне чужой кровью на малой территории, изобрести интернет, транзистор и нарезной батон[8 - Первый нарезной батон был продан в городе Чилликос, штат Миссури, 7 июля 1928 г.], короче говоря, получить за бесценные знания будущего почет, уважение и награды. Не жалкие виртуальные иконки Ingress типа «контролировал портал 150 дней», а реальные правительственные медали и ордена!

А риск?

Да только жизнь!

Поднимаясь по ступеням подъезда вверх, к теплу, я тихо напевал: «Призрачно все в этом мире бушующем...»

Первоначально я надеялся провести ночь на лестничной площадке последнего этажа, но, добравшись до нее, нашел вариант получше. Замок на чердак выглядел серьезно, массивно, но... На поверку оказался фейком, то есть легко открылся с помощью одного из моих домашних ключей.

Присмотрев в неверном свете экрана более-менее чистый уголок, я без сил повалился туда и, рассудив, что утро вечера мудренее, забылся беспокойным сном. Благо теплые штаны и пуховик с капюшоном позволяли не бояться холода и сквозняков.

Пробуждение не принесло приятных открытий.

Сверху, через ни разу не мытое стекло слухового окна проглядывало серое низкое небо.

Снизу... «Чистый уголок» на деле оказался покрыт шлаком вперемешку с голубиным пометом, который придал моему зимнему костюму – темно-зеленому с черными вставками – соответствующий бомжеватый вид и аромат.

Экстренно справив – да простят меня жильцы! – малую нужду, я поднялся по короткой лесенке к окошечку и, растворив раму, высунулся наружу.

Зачерпнул свежего снега – зверски хотелось пить, да и умыться явно не мешало.

Огляделся вокруг: улиц не видно – только крыши, лениво дымящие трубы вдалеке, по линии горизонта, синие или зеленые купола церквей...

Тихо, спокойно, но... Как-то совсем неправильно.

Понимание упало в сознание, как в эпицентр взрыва атомной бомбы: ни одной спутниковой тарелки!

Начисто отсутствует вездесущее провайдерское оптоволокно, вдобавок не видно ничего похожего на телевизионные антенны.

Испуг? Ужас? Паника?

Да ничего подобного!

Все мои рефлексии остались во вчера. Сегодня мозг работал четко и ясно, как в азарте RPG-квеста. Выпал рерол, прошла смена локации... Сколько раз такое случилось в играх?

Надо просто принять как данность: я не заблудился в ленфильмовских декорациях, не заболел историческим лунатизмом, наконец, не пал жертвой тяжелой химии. Просто провалился в тысяча девятьсот двадцать шестой год.

Чудо Создателя, происки инопланетян, слепое Провидение или природный феномен – разницы для меня нет.

Попал в инстанс – не рефлексируй! Бей мобов, ищи нычки!

Вопрос один: как проще и быстрее «повысить левел»?

Самый очевидный путь – выдать себя за хроноаборигена с амнезией. Обзавестись минимальным сетом документов, заработать на телепорт за границу. Открыть в Штатах свое дело, заработать на изобретениях из будущего миллиард баксов. А как иссякнет резерв послезнания – уехать кататься на волнах прибоа в Гаити или Таити с шикарными девушками...

Вполне реальный план, вот только... Мелковат! Иметь уникальный шанс сделать СССР величайшей державой планеты, но бездарно спустить его на такую ничтожную глупость, как девки и деньги?

Ну уж нет!!!

Правильный путь прокачки чара идет по другой ветке. Необходимо прямо тут, в Петербурге, устроиться на хорошую работу и семимильными шагами двигать вперед науку и технику к заветным орденам и вящей славе Советского Союза. Ведь это вполне реально, но...

Есть нюансы.

Смогу ли я сойти за своего?

Сколько надо будет убить сил на поиски точки приложения знаний будущего века и завоевание авторитета?

Да у меня одно лишь обустройство быта сожрет чертову уйму времени!

Вот сразу бы, как пишут в некоторых книгах, добраться до ответственных руководителей высокого ранга, лучше всего – товарища Сталина. Почему нет? Убедить его в реальности переноса не так и сложно – у меня есть документы, деньги и, главное, смартфон. Железобетонные доказательства, их примет любой разумный человек, а значит, великий вождь непременно поверит в правдивость моих рассказов.

Дело за малым – за личной встречей, по возможности без свидетелей. Не самая простая задача...

Сдаться местному ФСБ? Или как их называют правильно, НКВД?[9 - Правильное название для 1926 г. – ОГПУ при СНК СССР (1923–1934).]

Страшно – уж очень противоречивая у них репутация сложилась в двадцать первом веке. Уверен, в органах идиотов не держат, разберутся рано или поздно, вот только...

По спине пробежал неприятный холодок.

Мой главный и неопровержимый аргумент – только смартфон, а он штука хрупкая, требует нежного обращения. А ну как до него дотянутся мозолистые пролетарские руки? С отверткой номер четыре, к примеру?

Свидетельством моего происхождения из будущего мобилка быть не перестанет в любом виде, вот только жалко будет кучи скачанных в нее учебников, книг, фотографий и фильмов. Для победы СССР в мировой гонке они куда полезнее моей дырявой памяти!

Что же до первоначальных доказательств...

Тут с лихвой хватит паспорта, прав и бумажных купюр! Их, по крайней мере, сломать невозможно. А чудесный электронный кладезь информации на время

спрятать от греха подальше.

Сказано – сделано!

Включив режим фонарика на телефоне, я полез в дальний угол, присматривать место для тайника. Разгреб мусор в подходящем месте и... И убедился, что подобная идея уже приходила кому-то в голову.

Под тонким слоем шлака обнаружился шикарный деревянный ящик, в котором лежала целая гора остроносых патронов, собранных для удобства подсчета и переноски жестяными скобками по пять штук[10 - Так выглядели патронные обоймы, но главный герой про это не знает.], а под ними...

Я запустил руки внутрь и вытащил прекрасно сохранившуюся «мосинку». Встал, приложился, подцепил из специально вырезанного в деревянной ложе паза[11 - Судя по данной детали, главный герой нашел карабин «Маузер» m98.] массивный шарик рукоятки затвора, провернул, дослал, вернул обратно.

Неплохое место!

Винтовка, верно, пролежала тут с Гражданской, но совсем не заржавела. Значит, и с моей электроникой за неделю, максимум две, ничего не случится.

Я полюбовался на гаснущий экран смартфона, вытащил батарею и засунул все вместе в полиэтиленовый пакет с надписью «Finland», рядом с коробкой подарочного варианта этой самой водки. Чуток помедлив, присовокупил запасные аккумуляторы, наушники и походный, приспособленный ко всему на свете зарядник. Пристроил рядом с оружием, закрыл крышку и забросал обратно, как было.

Между тем стоило поторопиться. День явно двигался к полудню, зверски хотелось есть, а программа предстояла немалая: добраться до ленинградского обкома и как-то привлечь внимание одного из ответственных товарищей. В идеале, конечно, самого Кирова – вроде как его еще не убили. Но на крайний случай сойдет и какой-нибудь помощник-секретарь, тем более что в лицо я гарантированно одного от другого не отличу...

План, без сомнений, был хорош. Да только отсутствие зеркала и суровая реальность эпохи опрокинули мои расчеты еще до того, как я успел добраться до Невского, где, по моим соображениям, должны находиться правительственные здания.

Первой ошибкой стало любопытство. Очень уж хотелось своими глазами посмотреть, какова она – жизнь в прошлом. Влиться в непривычный на вид, но, как и в будущем, вечно куда-то спешащий поток людей мне удалось без труда.

Двигаясь в сторону центра, я украдкой разглядывал прохожих, заодно – останавливался перед витринами, а то и вообще заходил в магазины.

Это в двадцать первом веке тяжело разобрать, кто идет рядом с тобой: охранник из торгового центра, менеджер средней руки или скромный коммерсант-миллионер. Дешевая китайская одежда уравнила всех, отличить настоящий «Hugo Boss» от поддельного лично я не в состоянии даже на ощупь. Зато тут, в разгар НЭПа, поговорка «встречают по одежке» более чем в тему. Особенности профессии и уровень дохода прекрасно заметны с десятка шагов. Так что уже спустя час я вполне уверенно разбирался в основных типажах, благо хоть какие-то знания истории школа, университет и телевизор сумели вбить в мою голову. Однако вовремя осознать глубину отличий собственного внешнего вида от привычных хроноаборигенам образов я не успел. И это стало второй ошибкой.

На выходе из заваленной бараклом антикварной лавки меня ждал представитель власти. По крайней мере, на его странной полукепке-полупилотке с красным верхом, черным козырьком и оторочкой из серого барашка красовалась кокарда с серпом и молотом, а длинную темную шинель перетягивали кожаные ремни портупеи. Не иначе продавцу – еврею средних лет – показался подозрительным мой интерес к напольным английским часам семнадцатого века, и он умудрился кого-то из помощников послать за милицией. Сам же добрый десяток минут вешал мне на уши лапшу о том, как с подельниками вытаскивал данный предмет декора из дворца великих князей, попутно отстреливаясь направо и налево от конкурентов-мародеров.

– Милиция Ленинграда, – представился служитель закона. – Предъявите документы!

Повеяло чем-то знакомым и безопасным. Возможно, именно поэтому я допустил третий, финальный промах, кардинально поменявший не только мои планы, но и, вероятно, всю историю данного мира. Вместо того чтобы с наглой мордой и раскатистой американской «р» заявить что-то академическое вроде «What can I do for you, sir?»[2 - «Что я могу сделать для вас, сэр?» (англ.)], я тупо, как школьник, проблеял:

- Вот... Дома их оставил!

- Работаете?

- Еще нет...

- Учитесь? - Тон милиционера изрядно похолодел.

- Учусь, на электрика, - как можно беспечнее постарался ответить я. -
В универе.

- В каком именно, позвольте узнать?

До меня наконец дошло, что единственный разумный выход - бежать. Что, собственно, я и сделал, мгновенно сорвавшись с места со всей силой молодых мышц, прекрасно натренированных в двадцать первом веке бегом и лыжами...

Преодолев в десяток прыжков чуть не полквартала, уже начал надеяться на успех, когда какой-то балбес в военной шинели бросился буквально мне под ноги.

Подняться уже не дали, а сильный удар по затылку вообще отбросил в короткое беспмятство.

Отлежаться, впрочем, не вышло. Меня живо оторвали пинками от истоптанного в грязь снега, сунули сразу с двух сторон в ребра револьверы. На сей раз до

меня добрались не вежливые служители закона, а какие-то полукриминальные испытанные типы в пальто да помятых суконных кепках. Всего и отличий, что один – рябой, без переднего зуба, а второй – в очках с монументальной роговой оправой.

По телу зашарили чужие руки.

– Милиция! – неуверенно вскрикнул я.

Все лучше, чем бандиты.

– Извозчик! – вторил рябой куда-то в сторону. И, повернувшись, выдохнул мне прямо в лицо запах соленой рыбы неизвестной, но мерзкой породы. – Заткнись, гражданин!

– Червей-то у него нема, – остановил его напарник. – Пехом допрет, Шпалерка[12 – Следственная тюрьма Ленинградского управления ОГПУ – НКВД – МГБ – КГБ находилась на Шпалерной улице, 25. Сегодня СИЗО-3.] недалече.

– Ловко чекисты сработали. Раз – и срезали на бегу! – мелькнули обрывки разговора от проходящей рядом кучки молодежи, не иначе студентов-сверстников.

– Может, поперву в комиссариат? – попробовал возразить рябой, смачно сплевывая мне под ноги.

– Ты на шмутки позыржай! – осадил очкастый интеллигент, очевидно главный в команде. – Явная же контра, нешто мы будем два раза ноги обивать, чай, обувка не казенная!

Рябой отошел на шаг, окинул меня задумчивым взглядом и немедленно согласился:

– По-любому – шпиен! Или контра недобитая! – Еще раз пребольно ткнул стволом мне в живот. – А ну, сунь руки в карманы, сволота! И двигай вперед помалу!

Ничего не оставалось, как выполнить команду.

И тут обнаружилось страшное: паспорт и деньги бесследно исчезли!

Идиот!

Какое затмение на меня нашло, почему не подумал, не переложил их во внутренний карман куртки? Кому и что тут доказывать без этих бумажек?!

От неожиданности я споткнулся и полетел опять на мостовую как есть, с руками в карманах...

Пришел в себя я в каком-то мрачном помещении, за тяжелым, грязным столом, на который из рюкзака уже вывалили все мои скромные пожитки. По голове прямо за шиворот стекала ледяная вода.

С трудом удалось сфокусировать взгляд на сидящем напротив меня человеке: фуражка почти как у полицейских две тысячи четырнадцатого года, только сильно поменьше, поаккуратнее да цвет верха темнее и синее. Более ничего похожего: куртко-рубаша болотного армейского цвета, погон нет, вместо них красные засаленные петлицы, из которых торчат треугольные глазки малиновой эмали... Знать бы еще, что они означают...

– Оклемаюсь, свинота? – Из-за спины с закопченной до черноты металлической кружкой[13 - Скорее всего, медная солдатская кружка времен Первой мировой войны, их часто использовали как небольшой котелок.] в руках выдвинулся похожий на прежнего товарищ, только на фуражке по-идиотски поменяны цвета, то есть верх темно-красный[14 - Приказом ОГПУ № 315 от 14 августа 1924 г. введена фуражка с темно-синим околышем и краповой тульей, 30 декабря того же года приказом ОГПУ № 456 – околыш краповый, тулья синяя.], как сигнал светофора в ночи. Начальник, наверное, – лет на двадцать старше да на один треугольник больше. Он приказал: – А ну, живо сказывай, бегунок, как до веселой жизни докатился?

– Что именно?! – просипел я, осторожно поднимая руки к голове.

– Надо тебе его байки слушать, – неожиданно поднял голову от писанины тот, что напротив. – Фамилию говори, – обратился он ко мне. – Сколько лет, где

живешь и место работы.

– Алексей Коршунов, двадцать три года, студент-электрик, – бодро начал я и почти сразу осекся.

Что говорить? Правду? Надеяться, что дежурные «обезьянника» – а куда я еще мог попасть? – вызовут сразу большого начальника? Да скорее за мной инопланетяне прилетят!

Поэтому я скривился, как будто от неожиданного приступа боли, обхватил голову руками и выдавил со стоном:

– Не помню! Не помню больше ничего! Вот только...

– Ладно! – невероятно спокойно и равнодушно принял мою амнезию товарищ, который, черкнув несколько строк на мерзкой, землистого цвета бумаге, толкнул мне заполненный лист. – Подмахни!

Вчитываться не стал – поставил закорючку. Все равно после удара соображаю через раз на третий.

– Особый ярус, в топорики! – вынес решение «писатель», откидываясь на спинку стула.

– Подымайся, загребай манатки, – скомандовал тот, что постарше. – В семьдесят седьмом тебе самое место!

Повели куда-то тихими длинными коридорами, удивительно чистыми, да еще почти сплошь застеленными половиками. Вверх, вниз, решетка, часовой, двери, вправо, переход, решетка, влево – не иначе как строители взяли у правительства подряд на развитие географического кретинизма в среде задержанных.

Наконец передо мною открылась перспектива очень длинного многоярусного зала, такого высокого, что его потолок терялся в сумраке. По правой стороне шли окна с затемненными стеклами, по левой тянулся бесконечный ряд окованных железом дверей – картина с незначительными вариациями

повторялась на каждом из пяти этажей, которые, в свою очередь, соединялись узкими железными лестницами-галереями.

– Получай свеженького! – бойко выкрикнул мой провожатый.

Где-то сверху застучали каблуки, и скоро маленький, болезненно тощий конвоир в туго стянутой ремнем серой солдатской шинели повел меня на третий ярус – как оказалось, на очередной, куда более серьезный обыск.

По крайней мере, на этот раз меня заставили раздеться догола, облапали в разных неприятных местах, долго исследовали подкладку и швы на основательно изгвазданной голубиным пометом одежде, удивлялись крою, фактуре ткани, подошвам ботинок Gastein, а особенно – обычным носкам. Не поленились вытащить из них и попробовать на зуб резиновую жилку. Только много позже я понял, что подобная конструкция если и известна, то лишь богатым буржуям[15 - Резиновая нить для одежды, в том числе и носков, используется с начала XX в. Но только к 1925 г. фирма Dunlop Rubber наладила массовое производство недорогой и устойчивой к кипячению «резинки» сначала из натурального, а потом искусственного каучука.], простые же люди используют специальные носочные зажимы-подтяжки либо носят высокие, стягивающиеся под коленом гольфы.

Напрасно я опасался футурошока надзирателей при виде застежек-молний[16 - «Непрерывная» застежка была запатентована еще в 1851 г., хотя более-менее современный вид приобрела к 1913 г. Американская армия заказала летные комбинезоны с молниями в 1917 г.] – они были прекрасно знакомы с данным изобретением. Хотя это не помешало им вертеть рюкзачок из стороны в сторону совсем по-детски, как новую игрушку.

Я страшно боялся, что отберут все, вплоть до стоптанных кроссовок, «отельного» спортивного костюма и грязных боксеров, однако необычный, явно заграничный гардероб озадачил, а возможно, напугал местную тюремную службу. Так что они довольствовались «подарком» в виде початой пачки одноразовых бритвенных станков да тюбиком крема для бритья.

Спустя десяток минут дверь камеры – массивная, как у сейфа, – почти бесшумно захлопнулась за моей спиной. Немедленно раздался тяжелый, ахающий стук защелки, а сразу за ним – с хрустом два раза провернулся ключ.

«Как-то слишком выходит солидно для КПЗ...» – подумал я, без сил падая на привинченную к стене железную раму с переплетенными железными же нитями-пружинами.

В моем персональном застенке было мокро, темно и адски скучно.

Четыре шага туда, четыре обратно, асфальтовый пол, забранное решеткой тусклое окно у потолка, под ним крохотный ручной насос очень странного устройства: для того чтобы из крана потекла вода, надо левой рукой все время нажимать на длинный деревянный рычаг. В углу чудо цивилизации – чугунный унитаз не иначе как царских времен. Ни прогулок, ни газет, ничего, даже морды надзирателя не удалось рассмотреть.

Единственная забава – стирать тряпкой струйки воды со стен и лужицы с пола да читать нацарапанные на стенах не особенно утешительные надписи типа «Кто может, сообщите на Ивановскую улицу, 24, что доктор Алтуров расстрелян». Встречались и варианты посложнее, например, в красном углу химическим карандашом наивная и явно неумелая рука тщательно прорисовала образ-икону, а также оставила каллиграфическую – насколько это реально в данных обстоятельствах – надпись, что «Раба Божья Екатерина думает о своих деточках, которые молятся за маму святому Угоднику Божьему. Январь 1925 года».

Кроме этого, интересны разве что календари на стенах, во множестве расчерченные предшественниками. Самый длинный тянется на одиннадцать месяцев, примерно треть сделана чем-то острым, затем идет простой, уже стершийся графит и чуть позже – химический карандаш. Самый короткий – всего двадцать дней. Поперек последних не закрытых клеток мало обнадеживающая приписка: «Господи, прости мои прегрешения, иду в последний путь»[17 - Согласно некоторым источникам, именно такую надпись оставил Н. Гумилев на стене камеры № 77 на Шпалерной 24 августа 1921 г.].

Паек не скуден, но растолстеть сложно. Около семи часов утра в окошечко двери просовывают небрежно отпластанный от чего-то очень большого кусок темного хлеба грамм на четыреста, по качеству отдаленно похожий на «Фитнес» из будущего. В полдень полагается небольшая мисочка разваренной в отвратительную массу каши, обычно ячменной, но иногда выдают пшенку или

даже гречу. На ужин тарелка жидкого, как вода, и гадкого до несъедобности типа супа с волокнами капусты и опять каша.

Хорошо хоть зимняя одежда из синтетики влагу практически не набирает и греет неплохо.

В этой малости странные порядки содержать арестантов в чем и с чем пришел сыграли мне на руку. А еще на пользу пошла самая обычная лень, из-за которой я не стал подниматься в номер отеля в две тысячи четырнадцатом году, чтобы выложить немногочисленные «гостиничные» шмотки перед прогулкой-игрой, а лишь зачекинулся и забрал ключи от номера.

Самое удивительное и приятное: сохранились лекарства и презервативы – расстроенные моим непонятным шмотьем вертухаи просто не заметили их в скрытом кармашке. Собственно говоря, я про таблетки и сам забыл, чуть не год назад мать собрала скромный комплект «от всего», когда меня понесло на пару недель попутать рыбок в Красном море. После чего он так и болтался в рюкзаке, благополучно перенесся кроме Египта и несколько поездок в Москву, и бессчетное количество студенческих пьянок по турбазам.

Все остальное можно смело записывать по статье «Проблемы».

Особенно доставало отсутствие часов и тишина. Даже не так, а исключительно с заглавной буквы: Тишина! Не каждый день можно было расслышать лязг ключей, еще реже – дикий, быстро заглушаемый крик, и только один раз я явственно разобрал содержание:

– Товарищи, братцы, на убой ведут.

Вот и догадывайся: матерого, измазанного кровью с ног до головы бандита тащат, ни в чем особо не повинного студента вроде меня пришибить хотят или просто на психику давят, волю к сопротивлению подрывают.

И без того в голове не укладывается, как так можно – выдернуть человека натурально с улицы и держать в одиночке день за днем?

Что тут вообще происходит, черт возьми?

От дурусти типа голодовки или разбивания головы об стены спасла болезнь. Без малого на две недели я свалился с чем-то похожим на тяжелейший грипп, переходящий в хронический кашель, если не сказать хуже. Если бы не принятая против осложнений таблетка антибиотика, оказавшаяся поразительно эффективной, наверное, так бы и сдох, «не приходя в сознание».

А там настоящее избавление пришло: на допрос повели...

Все те же лестницы, переходы, решетки, тяжелые двери. У одной из них, на вид вполне обычной, конвойный остановился.

– Обождите. – Он постучал в дверь и почти сразу, не дожидаясь ответа, втолкнул меня в кабинет.

Даже смешно – точно такая же камера-одиночка с раковиной и стульчаком, только освещена поярче да вместо койки стоит пара столов и три стула. Думал, хоть портрет Дзержинского на стене будет, но, похоже, тут обходятся без лишней атрибутики.

«Главный сюрприз» сидел за столом.

Мне и в голову не могло прийти, что следователем окажется молодая женщина. Причем не мощная тетка, «истинная большевичка», в перетянутой ремнями строгой кожанке и с маузером в руках, а совсем наоборот, маленькая, худая шатенка лет тридцати. В меру симпатичная, с резкими чертами лица и тонкими губами без всякого следа помады.

Перед ней на столе – кроме телефона и бумаг – начатая пачка папирос «Пушка», чуть поодаль – стакан чая с одиноким ломтиком лимона да тарелка с парой пирожных.

Спокойно, по-домашнему, прямо как будто заявление пришел писать в деканат. Разумеется, если не обращать внимания на стены да лампу, направленную в лицо по всем канонам жанра.

– Садитесь, пожалуйста, – сказала следователь задумчивым голосом, на ее лице явственно проступили симпатия и участие. Пододвинула ближе ко мне пачку. – Курите, не стесняйтесь. Нам с вами надо много о чем поговорить.

Не дожидаясь моего ответа, она вытянула папиросу себе, ловко смяла гильзу и жадно прикурила, вежливо выдохнув дым в сторону.

– Спасибо, не курю, – привычно отказался я, устраиваясь поудобнее.

– Какой интересный молодой человек, даже табаком не балуется, – чуть кривовато улыбнулась следователь.

– Спортом пришлось много заниматься, – пустил я в ход стандартное оправдание.

– Похож, похож. – Следователь одобрительно покивала. – По облику – настоящий скаут! [18 - Официально скаутское движение в СССР запретили 12 ноября 1922 г. С того времени скауты перешли на нелегальное положение. Окончательно разгромлена эта организация была только в 1932 г.]

«Ну наконец-то!» – возликовал я. Вполне по-человечески все в прошлом, не зря ругали Солженицына и иже с ним за очернение истории. А что до камеры – так работы много у ЧК, вот и не быстро дошла очередь. Сама же сидит в таком же каменном мешке безо всякой роскоши, работает на износ, бледная вся, можно сказать, света белого не видит...

Да быть того не может, чтобы я не уговорил такую милую, уставшую женщину поверить мне хотя бы на несколько часиков, пока специалисты не вытащат из тайника сотовый телефон. Надо только начать поаккуратнее... Если бы не заросшее щетиной лицо!

Я малость замешкался, от оупения в одиночке никак не мог решить, рубануть плеча «родился в тысяча девятьсот девяносто первом году, последнем, когда существовал СССР» или зайти издалека, с моего провала в прошлое, игры Ingress, учебы и жизни в Екатеринбурге.

Между тем женщина участливо задала следующий вопрос:

– И зачем это вы связались с шайкой мерзких фашистов?

– Фашисты? Уже тут?! Кха-ха-ха! – зашелся я в приступе то ли хохота, то ли кашля. – Да что вы вообще о фашистах знать можете! Ведь пока гад Шикльгрубер пейзажики малюет где-то под мостом в Берлине![19 - В советском скаутском движении существовали две крупные фракции – анархистов и фашистов. Сама же фашистская идеология зародилась в Италии в конце 1910-х гг., итальянская фашистская партия пришла к власти и установила диктатуру Муссолини в 1922 г.] Короче говоря... – Тут до меня дошло, что сказано несколько больше, чем следовало. – Не знаю никаких фашистов и знать не хочу. Я обычный студент, просто не повезло...

– Та-а-ак-с! – резко оборвала меня следователь. – Вот сейчас-то все сходится!

Всего пара мгновений, и как подменили человека!

Теперь в ее глазах плескалось лишь торжество и злоба. Резко раздавив папиросу о край стола, она резким щелчком отбросила окурочек прямо на пол. Наклонившись ближе ко мне, выплюнула в лицо слова, брызгая слюной:

– Так вот, гражданин Обухов Алексей Анатольевич, тысяча девятьсот третьего года рождения, стало быть, студент, из потомственных дворян! Хватит заливать. Нам все решительно очевидно. Единственно верная для вас линия поведения – чистосердечно покаяться перед советской властью! И вот что... – В тоне женщины опять проступили нотки усталой нежности. – Мы не ставим к стенке врагов даже гораздо более матерых, чем вы. Вот... – Она сделала широкий жест по направлению к окну. – Там работают люди, многие из них были приговорены к высшей мере, но они честным трудом очищают себя от прежних преступлений перед советской властью. Помните, наша задача не карать, а ставить на правильный путь!

– Не знаю никакого Обухова... – вскочил я.

– Сидеть! – Меня буквально подкосил резкий крик, а еще пуще – многообещающий лязг двери за спиной.

– Ну мы вас заставим признаться. – Следователь опять перешла на доверительный тон, совсем как плохой актер в постановке провинциального

театра. – Только себе же дороже сделаете. Запомните, гражданин Обухов, искреннее раскаяние поможет вам искупить вину.

«И увеличит срок...» – мрачно закончил я про себя ее речь фразой из какого-то фильма.

Я явственно представил, как идиоты в кожанках находят тайник, забыв на радостях смешные инструкции следователя, вытаскивают из ящика в первую очередь привычное и понятное – винтовку с патронами, с хохотом передают друг другу бутылку шпионской белофинской водки, в то время как не замеченный в потемках смартфон хрустит под их каблуками, а микросхемы смешиваются с грязью и шлаком.

Уж не знаю, по какой статье нынче идет борьба против социализма с оружием в руках, но на пулю в мой затылок этого расклада хватит с гарантией.

Тут я в полной мере осознал, какая это непозволительная роскошь – спокойно подумать о тщете всего сущего: вопросы полетели в лицо, как стежки швейной машинки на китайской фабрике.

– Кто вас подначил к идеологии «Черных волков»? Когда? Место вашего проживания? Адреса?! Явки?! Кто был на скаутинге в Казани? Через кого вы получали агитационную литературу? С кем из членов ВКП(б) вы хорошо знакомы и где они работают? Адрес и номер дома, где вы встречались с Борисом Зеленовым?[20 - Б. Зеленов, глава советских скаутов, 1904 г. рождения. Арестован 14 ноября 1926 г. На допросах категорически отказался от всяких показаний, получил три года концлагеря (Соловки).] Связи с куратором из Берлина, господином Свежевским?[21 - Б. Н. Свежевский, белогвардеец, в прошлом капитан лейб-гвардии, начальник Петроградской дружины. Курировал из Берлина ориентированный на итальянский фашизм «Опытно-показательный скаут-отряд» (одну из двух крупных фракций в советском скаут-движении).] В каких учреждениях белых правительств служили? Должности, звания? Кто такой Шикльгруббер и какие картины он рисует? Как относитесь к советской власти? Как это понимать: никак?!

Мелькали абсолютно дикие вопросы из анкеты, термины типа «совет начальников отрядов», «съезд объединенных патрульных» и «совет инструкторов». Перечислялись фамилии якобы моих знакомых и друзей.

Приводились слова уже арестованных скаутов[22 - Всего по делу скаутов в течение 1926 г. было осуждено 40 человек. В основном они получили по три года концлагерей или по три года ссылки. Всего же только в московское скаутское движение было вовлечено от 4 до 6 тыс. человек.], которые обвиняли меня в какой-то дикой чепухе, направленной на свержение социалистического строя.

Черт возьми!

Да что я в принципе могу ответить, если впервые в жизни слышу про скаутов в СССР? Для меня это не более чем природно-ориентированные детки в забавных панاماх защитного цвета из американских фильмов! Подростки, которые, в сущности, ничуть не опаснее ежежиков!

Поневоле пришлось симулировать потерю памяти. Помогло мало...

Еще бы, после моего идиотского пассажа о берлинском художнике угрозы перемежались уговорами, их сменял шантаж, за которым следовала смешная попытка подкупа папироской и уже более серьезная – шикарным обедом для растущего организма: «Прямо тут, сию минуту распорядись!»

Часа через три женщина выдохлась окончательно. Мило пощebetав по телефону с неизвестным мужчиной, вероятно мужем, на тему «Как я устала от проклятой работы, просто кошмар, но, мой милый, все равно тебя люблю, только сегодня обязательно купи хлеба к ужину», она не прощаясь вышла.

За меня принялся ее сменщик, неторопливый долговязый прибалт.

Грешным делом, я подумал о классике: «Будут бить, возможно, ногами». Заранее прикидывал, как сохранить почки и зубы. Последнее почему-то волновало сильнее, ведь импланты тут ставить не умеют.

Но вместо мер физического воздействия следователь начал методично и многозначительно перечислять мне собранные за десять лет советской власти прегрешения скаутов. Говорил медленно и подробно, заглядывая в какие-то листы, исписанные разными почерками, видимо – доносы или показания разных лиц. Тон у него был такой, как будто он меня хотел сразить каждым из этих фактов. Лишь изредка просил дать оценку услышанному, искренне обижался и удивлялся моим ответам не впопад.

До сих пор интересно: какой реакции он ожидал от меня на документально заверенный свидетелями факт передачи аж целых восьмисот восьмидесяти пяти долларов на нужды коммуны в Салтыковке через сына литовского посла в Москве Георгия Балтрушайтиса? Ну кроме идиотского смеха, разумеется?

Наконец, уже когда за окном стемнело, меня оставили в покое. Прощальное напутствие прибалта, впрочем, не порадовало:

- Помните, гражданин Обухов, мы не будем торопиться, спешить нам некуда. Меньше шести месяцев дознание не идет, так что на год вы здесь прописаны. Советую вам хорошенько подумать, все обмозговать и чистосердечно раскаяться. Теперешнее ваше поведение к хорошему не приведет.

Лучше бы одолжил почитать научно-популярную книжку про скаутов!

Вернувшись в камеру, на адреналине расчертил кусок стены под свой собственный календарь. Сразу с запасом на двенадцать месяцев вперед. А потом...

Завод кончился, и я упал на койку, с головой под одеяло, самым что ни на есть пошлым образом плача от обиды и бессилия. Очевидно, что, пока меня считают каким-то Обуховым из дворян, не поверят ни единому слову, что бы я ни говорил. Спрячь я мобилку куда-нибудь в иное место – добросердечное признание выглядело бы более-менее уместно. Но дурость, по которой я умудрился засунуть смартфон рядом с винтовкой, подняла ставку до поистине смертельной – платить столь много я пока не готов.

Долго предаваться самобичеванию мне не дали. Дверь лязгнула: в камеру вбежали два надзирателя и стали стаскивать одеяло.

Чего они хотели – я не понял[23 - Обычная практика – опасались попытки самоубийства.], но пришлось собрать в кулак все силы для спокойного ответа:

- Мне мешает свет!

- Не положено!

Ушли, хотя волчок поскрипывал всю ночь.

На следующую ночь – или скорее очень раннее утро – вызвали «с вещами».

Предположив, что расстреливать меня вроде как рано, да и не за что, обрадовался. Думал – попугали, попробовали взять «на слабо», но без доказательств решили снять с казенных харчей. Даже невольно заулыбался, когда вели мимо ярко освещенного буфета, за столиками которого, несмотря на ночь, обжирались несколько следователей – нарядных подтянутых мужчин и женщин в полувоенной форме. Сытых и довольных своим превосходством.

Однако реальность оказалась куда прозаичнее. Как видно полностью установив мою личность и степень прегрешений, администрация решила освободить ценную «семьдесят седьмую» под кого-то более важного. Мою же никчемную скаутскую тушку перебросили в общую камеру.

В отличие от глухой одиночки тут выходящая в коридор стена имела широкие, забранные прутьями решетки окна, такой же была и дверь. Ни дать ни взять зоопарк.

Едва переступив низкий металлический порог, я невольно замер. Радость – наконец-то хоть людей увижу! – сменилась ожиданием страшной и, как я помнил по книжкам, неизбежной прописки.

Тем более удивили первые тихие слова:

– Пожалуйста, раздевайтесь, товарищ. – Мне навстречу в одном белье поднялся с лавки мужчина лет пятидесяти. В тусклом, только нарождающемся свете зари, проникавшем из двух окон на противоположной стене, на его голове неестественно блестела лысина. – Вы недавно с воли? Хотя пустой вопрос, и так ведь видно. Я камерный староста, Фохт Георгий Карлович[24 - Реальный человек, попал в заключение в 1927 г. за шпионаж (вел переписку с родными в Германии, Латвии и Польше). Приговорен к трем годам ссылки в Сибирь, отправлен в Туруханск.], если вам угодно. Тут уже девятый месяц, веду бухгалтерию, коли так можно сказать, почти как до ареста, в Древетресте.

Не успел я толком удивиться, как он вытащил откуда-то из-за спины растрепанную тетрадь и, быстро вписав в нее мою фамилию, имя и отчество, проставил номер.

– Будете семьдесят девятым[25 - По царской норме в камеры такого типа размещали до 22 человек. Но 79 – это еще по-божески, позже, в 30-х гг. в подобные помещения «напихивали» до 120–130 заключенных.], – сказал он и добавил, видя мою нерешительность: – Да вы не тушуйтесь, тут же «библиотечная»[26 - Эта камера находилась в одном коридоре с тюремной библиотекой.] камера! Ничего не своруют, боже вас упаси, даже шутить про это не надо! Вон посмотрите... – Он показал рукой куда-то вглубь. – У нас свой академик-библиотекарь есть, Дмитрий Иванович[27 - Имеется в виду Д. И. Абрамович (1873–1955), филолог-славист, палеограф, источниковед. Чл. – корр. РАН с 1921 г. К моменту ареста в начале 1927 г. – главный библиотекарь ГПБ (Ленинград).], я вас позже представлю – конечно, если желаете. А пока пойдемте, постараюсь пристроить вас на место, только, ради бога, идите тихо и не наступите ни на кого – люди же спят.

Постепенно разглядел камеру – большую комнату площадью квадратов в семьдесят. Потолок сводчатый, поддерживаемый посередине двумя тонкими металлическими столбами, серый, так что глазу не за что зацепиться. Зато пол устроен куда интереснее, вернее, до него еще надо было добраться. На высоте сантиметров сорока вся камера была покрыта настилом, на котором в определенном порядке лежали спящие: у боковых стен – в два ряда, головами к стенам, ногами внутрь камеры, посередине – головами к центру. Между каждыми двумя рядами оставалось по узкому проходу. В тех местах, где спали люди большого роста, зазора не было.

Несколько человек приподнялись и с любопытством рассматривали меня.

– В этом проходе, налево, под щитами, третье место свободно. Ложитесь, – прервал мои мысли Фохт. – Не будут пускать – пожалуйста, настаивайте, место там есть.

– Как под щитами? – в панике переспросил я.

– Ну да, на полу, – совершенно спокойно подтвердил бывший бухгалтер. – Да вы не удивляйтесь, все новички так начинают. Месяца через два, если не переведут

куда-нибудь, переберетесь на верхний ярус.

Только тут до меня дошло, что под сплошной людской массой на настиле есть второй, не менее плотный слой людей.

Делать нечего, аккуратно протиснулся между обращенными друг к другу ногами двумя рядами и нагнулся к полу в указанном месте. Желание лезть в кучу спящих, ползком под доски, в вонючую темноту, резко пропало. Тем более за окнами постепенно светало, и я решил вернуться и докемарить на свободном пятачке у двери.

- Что же вы, товарищ? - опять приподнялся староста. - Не положено так, охрана ругаться будет.

- Не хочу беспокоить спящих, - попробовал оправдаться я.

- Так бы и сказали, что страшно с непривычки, - хмыкнул мой первый камерный гид. - Приспособитесь, хотя... - Он задумчиво поскреб пальцами лысину. - Одежонка у вас, товарищ, справная, организм молодой. Есть местечко получше, но рядом с уборной, так что там открыто окно все время, неприятно пахнет и холодно. Зато не так тесно, пойдете!

Мы протиснулись вперед до самой стены. И действительно, в углу располагались две койки, занятые спящими, между ними просвет сантиметров в тридцать. На полу - вообще никого.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

См. Глоссарий в конце текста.

2

«Что я могу сделать для вас, сэр?» (англ.)

Комментарии

1

Интербеллум (Interbellum) – термин, используемый в мировой историографии для обозначения временного промежутка между Первой и Второй мировыми войнами (1918–1939 гг.).

2

Плацкарта – нумерованное место в вагоне. В обычных поездах того времени нумерации мест не существовало, они появились только в середине 30-х гг., с массовым появлением «егоровских» вагонов (более-менее похожих на современные четырехосные Ленинградского завода имени И. Е. Егорова).

3

Наружная отделка вагонов СВПС (бывших международных дальнего следования) выполнялась тиковым деревом, с покрытием лаком в восемь слоев с промежуточной обработкой. Крыши крыли красной медью.

4

Термин, очевидно, происходит от английского sleeping car (спальный вагон).

5

К 1925 г. советские червонцы котировались на валютных биржах Вены, Рима, Константинополя, Тегерана, Шанхая и других городов. Например, в 1924 г. один червонец меняли на 21 немецкую марку, в 1926 г. – лишь на 7–8 марок, в 1927 г. обмен был прекращен полностью.

6

Совбур – сокращение от «советский буржуй».

7

Ingress – многопользовательская онлайн-игра в стиле «наложенной реальности», созданная Niantic Labs в Google для Android- и iOS-устройств.

8

Первый нарезной батон был продан в городе Чилликос, штат Миссури, 7 июля 1928 г.

9

Правильное название для 1926 г. – ОГПУ при СНК СССР (1923–1934).

10

Так выглядели патронные обоймы, но главный герой про это не знает.

11

Судя по данной детали, главный герой нашел карабин «Маузер» m98.

12

Следственная тюрьма Ленинградского управления ОГПУ – НКВД – МГБ – КГБ находилась на Шпалерной улице, 25. Сегодня СИЗО-3.

13

Скорее всего, медная солдатская кружка времен Первой мировой войны, их часто использовали как небольшой котелок.

14

Приказом ОГПУ № 315 от 14 августа 1924 г. введена фуражка с темно-синим околышем и краповой тульей, 30 декабря того же года приказом ОГПУ № 456 – околыш краповый, тулья синяя.

15

Резиновая нить для одежды, в том числе и носков, используется с начала XX в. Но только к 1925 г. фирма Dunlop Rubber наладила массовое производство недорогой и устойчивой к кипячению «резинки» сначала из натурального, а потом искусственного каучука.

16

«Непрерывная» застежка была запатентована еще в 1851 г., хотя более-менее современный вид приобрела к 1913 г. Американская армия заказала летные комбинезоны с молниями в 1917 г.

17

Согласно некоторым источникам, именно такую надпись оставил Н. Гумилев на стене камеры № 77 на Шпалерной 24 августа 1921 г.

18

Официально скаутское движение в СССР запретили 12 ноября 1922 г. С того времени скауты перешли на нелегальное положение. Окончательно разгромлена эта организация была только в 1932 г.

19

В советском скаутском движении существовали две крупные фракции – анархистов и фашистов. Сама же фашистская идеология зародилась в Италии в конце 1910-х гг., итальянская фашистская партия пришла к власти и установила диктатуру Муссолини в 1922 г.

20

Б. Зеленов, глава советских скаутов, 1904 г. рождения. Арестован 14 ноября 1926 г. На допросах категорически отказался от всяких показаний, получил три года концлагеря (Соловки).

21

Б. Н. Свежевский, белогвардеец, в прошлом капитан лейб-гвардии, начальник Петроградской дружины. Курировал из Берлина ориентированный на итальянский фашизм «Опытно-показательный скаут-отряд» (одну из двух крупных фракций в советском скаут-движении).

22

Всего по делу скаутов в течение 1926 г. было осуждено 40 человек. В основном они получили по три года концлагерей или по три года ссылки. Всего же только в московское скаутское движение было вовлечено от 4 до 6 тыс. человек.

23

Обычная практика – опасались попытки самоубийства.

24

Реальный человек, попал в заключение в 1927 г. за шпионаж (вел переписку с родными в Германии, Латвии и Польше). Приговорен к трем годам ссылки в Сибирь, отправлен в Туруханск.

25

По царской норме в камеры такого типа размещали до 22 человек. Но 79 – это еще по-божески, позже, в 30-х гг. в подобные помещения «напихивали» до 120-130 заключенных.

26

Эта камера находилась в одном коридоре с тюремной библиотекой.

Имеется в виду Д. И. Абрамович (1873–1955), филолог-славист, палеограф, источниковед. Чл. – корр. РАН с 1921 г. К моменту ареста в начале 1927 г. – главный библиотекарь ГПБ (Ленинград).

Купить: https://tellnovel.me/dmitriev_pavel/kvadratnoe-vremya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)